

ИЗАБЕЛЬ ШАВИ

Подлинная история Жанны Барре —
первой в мире женщины, совершившей
кругосветное путешествие

Тербарий Жанны

Она обманула весь мир — чтобы покорить его

Терра инкогнита (Азбука-Аттикус)

Изабель Шави

Гербарий Жанны

«Азбука»

2025

УДК 821.131.1
ББК 84(4Фра)-44

Шави И.

Гербарий Жанны / И. Шави — «Азбука», 2025 — (Терра инкогнита (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-32859-4

Франция, середина XVIII века. Юная Жанна обожает природу и прекрасно разбирается в растениях, но крестьянской сироте путь в науку заказан – ее ждет лишь тяжелая работа на ферме. Однако мир не без добрых людей, и способную девушку берет в помощницы известный дижонский аптекарь, который между делом учит ее основам ботаники. Именно в доме аптекаря Жанна знакомится со знаменитым врачом и натуралистом Филибером Коммерсоном, молодым вдовцом, который ищет няню для своего новорожденного сына. Умная и проницательная Жанна быстро становится его секретарем и ассистенткой, а потом и любовницей. Не имея возможности открыто проявлять свои чувства, противоречащие морали того времени, пара перебирается в Париж, и вскоре Коммерсона приглашают принять участие в первом французском кругосветном плавании под руководством Антуана де Бугенвиля. Неужели влюбленным предстоит расстаться? Ведь женщин не пускают на корабли Королевского флота...

УДК 821.131.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-32859-4

© Шави И., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Часть первая. Где-то в Бургундии	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Изабель Шави Гербарий Жанны

*Иногда в хрупких созданиях скрываются очень сильные души.
Дидро о Жанне Барре. Добавление к путешествию Бугенвиля (1772)*

Isabelle Chavy
L'HERBIER DE JEANNE

Copyright © Isabelle Chavy, 2025
First published in France by Editions La Trace

© З. Линник, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Часть первая. Где-то в Бургундии

Глава 1

Ла-Комель, Сона и Луара, 1752 год

– Куда опять унесло эту проклятую девчонку? С ума она меня сведет, это точно. Когда надо, вот вечно ее не дозовешься!

В деревне давно привыкли к взрывам гнева Фанетты, матроны резкой и неуравновешенной. Все знали, что их причина – малышка, «дикарка», как ее называли, племянница, которую Фанетте с мужем пришлось забрать себе сразу после смерти родителей девочки. Не пойми какой по счету голодный рот, будто их и без того недостаточно, и, по мнению Фанетты, одна сплошная обуза: девчонка только и может, что глазеть по сторонам и постоянно куда-то исчезать. И снова ее нигде не найти, спряталась бог знает где, просто беда.

Многие жители деревни могли бы сказать Фанетте, что видели, как с первыми лучами солнца ее племянница направляется к темной гуще леса, быстрым шагом поднимаясь на холм, будто у нее там назначена встреча. Этот таинственный лес кормил селян и снабжал древесиной, но даже самые храбрые опасались задерживаться там, когда день начинал клониться к закату. Помимо суеверий и легенд, предметом которых являлась чаща, некоторые опасения были вполне оправданны. Как правило, в лес шли те, у кого не было выбора: они скрывались там от правосудия, промышляли браконьерством или воровали дрова. Там все время свирепствовали банды разбойников, а с наступлением темноты хозяевами становились волки. Малышке хватало ума не заходить в чащу слишком глубоко, она держалась поблизости от опушки, но не из-за боязни неприятных встреч, а из-за обширности леса: она просто заблудилась бы. Но с того места, где она пряталась, забравшись в кусты можжевельника, девочка могла обозревать деревню, не опасаясь, что ее обнаружат, – окруженную лесистыми холмами деревню, в которой она родилась двенадцать лет назад. Ее личный горизонт, единственный, что у нее был.

* * *

Хотя все называли ее «дикарка», настоящее имя девочки было Жанна. Ей уже пошел двенадцатый год, но она выглядела намного младше и больше напоминала тощего растрепанного воробья. Лохмотья, в которые она была одета, едва скрывали щуплое, костлявое, плохо растущее тело. На остром бледном личике, казалось, все место занимали большие серые глаза. Густая, вечно спутанная каштановая грива спускалась до самой поясицы. Потрескавшиеся губы всегда упрямо сжимались, словно девочка немая, что, впрочем, было не так.

Однако жители деревни давно научились не доверять кажущейся хрупкости, пораженные горящим взглядом, которым Жанна смотрела вокруг, словно в ней обитала неведомая сила, достаточно могущественная, чтобы уберечь малышку от всех мыслимых опасностей, неизбежно сопровождавших ее раннее детство. На самом деле никто не мог объяснить, как такой хрупкой на вид девочке удалось пережить столько горестей, в то время как другие дети, даже более смелые, сдались и были сметены, точно соломинки. Впрочем, никто не позволил бы себе оспаривать волю Господа Бога, какой бы несправедливой и недоступной для понимания она ни была. Ведь так и заведено, и разве не сказано, что часто лучшие уходят первыми?

Но Фанетта была в ярости. Выйдя замуж за Альцеста-младшего, дядю Жанны по отцовской линии, она беременела с регулярностью, приводящей в отчаяние. Десять детей за двена-

дцать лет – это вам не кошка чихнула! Начиная со второго, каждое появление на свет всех последующих происходило стремительно, застигая Фанетту в поле, в огороде или на кухне, вынуждая рожать стоя, не издавая ни малейшего звука, с искаженным от сосредоточенности и боли лицом. Как зверь, которым она и была. Конечно, не всем ее детям удалось выжить; маленькие невинные души, заранее обреченные. Столько боли, страданий и бессонных ночей, а в итоге оставшихся можно пересчитать по пальцам одной руки. Так что и нечего к ним привязываться. После череды беременностей Фанетта, которая не раз обжигалась и стала фаталисткой, постепенно зачерствела, будто кусок старого, засохшего хлеба. Так Жанна узнала, что существует два вида безумного горя: то, которое разрушает и поджаривает на медленном огне, и то, что превращает сердце и душу в каменную глыбу.

* * *

Но смерть косила вслепую не только детей. Невероятная стойкость Фанетты сама по себе была исключением.

Жанна потеряла мать, будучи совсем маленькой, а отца – несколько месяцев назад. О матери, которую тоже звали Жанна, у девочки сохранилось очень мало воспоминаний. Семья жила бедно, как и любая крестьянская семья, вынужденная батрачить. Отец девочки, Жан Барре, был разнорабочим. Тяжелая жизнь вымотала и состарила его раньше времени. Тем не менее некоторым образом у Жанны было довольно благополучное детство. Ее родители настаивали на том, чтобы она получила образование. Горничная приходского священника, Этьеннет Пошар, приходилась теткой матери маленькой Жанны. Хромая, очень некрасивая и горбатая, старуха никогда не была замужем и всей душой полюбила воспитанницу, которая навещала ее каждый день. Сам кюре, будучи добрым человеком, тоже включился в игру и принялся учить ребенка чтению, письму и счету. Жадная до знаний, старательная и добросовестная Жанна только этого и хотела. Под покровительственным взглядом старой горничной девочка старалась писать буквы, заучивала уроки наизусть и быстро продвигалась вперед.

– До чего же умная малышка! – вздыхал приятно удивленный кюре. – Увы, умение читать и писать вряд ли пригодится ей в дальнейшем.

– Кто знает, – возражала тетушка с лицом гаргульи. – Пути Господни неисповедимы. А эта девочка заслуживает лучшей участи!

Также Жанна много времени проводила в саду кюре. Для нее он был маленькой тихой гаванью, где среди обычных овощей росли цветы, которых она нигде больше не видела. Обнесенный каменными стенами, защищающими его от ветра и посторонних взглядов, на первый взгляд он производил впечатление веселого беспорядка. У корней стриженных шпалерами фруктовых деревьев бархатцы, мальвы и гвоздики соседствовали с капустой, репой, морковью и пастернаком – настоящее изобилие цвета и пьянящих ароматов. В хорошую погоду Жанна ходила нюхать прекрасные белые розы, которыми был увит фасад дома кюре. Там она могла оставаться целыми часами. Названия растений стали первыми словами, которые она научилась читать и писать, поскольку кюре произносил их по буквам.

– Видишь ли, Жанна, цветы созданы не только для того, чтобы радовать глаз, но и чтобы привлекать бабочек и пчел. И потом, некоторые могут послужить нам лекарством. Посмотри на цветки *Calendula officinalis* – календулы лекарственной, которые могут показаться ничем не примечательными, но они здесь мои любимые. В виде отвара или настоя они лечат расстройство пищеварения. В виде масляной смеси обладают замечательными заживляющими, успокаивающими, противовоспалительными свойствами...

Увлеченная, Жанна запоминала, складывая все в дальнем уголке своей памяти. К сожалению, растения не помогли отцу Жанны, которого насмерть зашибло упавшим стволом, когда

он рубил лес. После этого девочка переехала к своему дяде по отцовской линии, и ей пришлось прекратить посещения кюре и его горничной.

* * *

Хотя Фанетта родила больше мертвых детей, чем у нее осталось живых, им все равно приходилось ютиться в тесноте в деревянной лачуге, служившей им жилищем: всего одна комната с полом из утоптанной земли, темная и полная сквозняков, хотя зимой стены старались законопатить. Родители спали в нише недалеко от очага, а дети обитали на чердаке. Дом скрипел под порывами ветра, в нем витали запахи дыма, капустного супа, плохо вымытых тел и домашней скотины, спавшей здесь же, за решетчатой перегородкой.

Дядя Жанны был человеком молчаливым, изможденным и очень худым. Кожа обтягивала кости, а черные глаза прятались в глубине орбит, окруженных морщинами. Он считался уже стариком, хотя его и называли Альцест-младший, чтобы отличать от двоюродного брата; ему было без малого сорок лет, и организм его был изношен до последней степени. Как и отец Жанны, дядя работал на ферме замка, а в межсезонье служил лесорубом. Это он привез безжизненное тело своего брата, окровавленное и неузнаваемое, на телеге, запряженной быком. Жизнь, лишённая всякой передышки, располагала к тому, что по вечерам слова тратились скупой и экономно. Немногословный, дядя тут давал волю своей жене Фанетте, которая говорила за двоих, или, скорее, грубила, ругалась, сыпала проклятиями по любому поводу и без повода, резкая и столь же беспредельно уставшая.

В их доме не было недостатка в домашних хлопотах, поэтому Жанне, несмотря на ее мечтательность, пришлось взять на себя ту их часть, которая была ей по силам. В дополнение к повседневным обязанностям Фанетта поручила девочке присматривать за детьми, младшему из которых едва исполнилось два года, и он уже повсюду бегал. В таком возрасте детей невозможно спеленать и куда-то положить, им надо резвиться, а этот, похоже, родился особенно энергичным и подвижным. Что ж, не иначе как сама судьба вмешалась, ведь ничего нельзя предсказать! Жанна очень быстро привязалась к мальчугану. Его звали Этьен, как и его старшего брата, который умер за год до его рождения, и как дядю, погибшего в результате несчастного случая в возрасте двадцати лет, который, в свою очередь, унаследовал это имя от двоюродного брата, умершего до него. Привычку называть новорожденных в честь умерших Жанна находила невыносимой. Бесконечная череда, отчаянная и одновременно смиренная. Новый младенец занимал освободившееся место, и все молились, чтобы он оказался более крепким или удачливым, чем предыдущий. Сама она унаследовала имя от матери и тети по отцовской линии, которой не застала, еще одной Жанны, умершей в возрасте тринадцати лет от удара копытом в висок. Девочка ничего не знала об этой своей родственнице: была ли она похожа на нее или нет, любили ее, оплакивали или легко забыли. Можно было расспросить своего отца или дядю, но Жанна предпочитала ничего не знать и не иметь к погибшей тете никакого отношения. Мы не можем заменить собой умерших. В глубине души она чувствовала, что у нее нет ничего общего ни с той, другой Жанной, ни даже с собственной матерью. Она Жанна-дикарка, настоящий сорняк.

С тех пор, как она поселилась у своего дяди, Жанна стала немой или почти немой. Когда она выполняла обязанности по дому, ее тело находилось там, но разум блуждал в другом месте. Часто она представляла себе, что гуляет в саду приходского священника, и мысленно повторяла слова, которые тогда научилась читать и писать, очень боясь их забыть. Не имея больше ни пера, ни бумаги, она записывала названия растений на земле с помощью палочки. Теперь Жанна лишь издали встречалась взглядом с горничной и священником. Легкий кивок, застенчивая улыбка, вот и всё. Прежние времена прошли. Итак, Жанна постепенно перестала говорить, изъясняясь только звукоподражаниями, когда без этого было совсем

не обойтись. Уязвленная Фанетта повторяла всем, кто хотел ее услышать, что унаследовала умственно отсталую племянницу, настоящую обузу, тяжкое бремя! Как будто не хватает ей бед!

Дело в том, что люди плохо умеют слушать и слишком мало слышат... И кому было дело до того, что эта маленькая девочка способна думать? Что бы она ни сказала, всё без толку: от любого ее слова отмахнулись бы или не обратили бы на него внимания. Поэтому она решила держать их при себе, перекатывая во рту и посасывая, как маленькие гладкие и сладкие камешки. Ей нравилось ощущать на кончике языка слова, похожие на маленьких пугливых и робких зверюшек, слишком драгоценные, чтобы разбрасываться ими, рискуя, что их не поймут или исказят. Только она одна знала, насколько на самом деле болтлива, просто настоящая сорока. А если Жанна чувствовала кипучую настоятельную необходимость выпустить слова, она, не в силах больше противиться, выкрикивала их ветру и облакам или шептала в уши животным.

* * *

Лес стал ее убежищем. Из благоразумия она никогда не проникала в него слишком глубоко, и, хотя лес ее сильно привлекал, большая его часть оставалась для девочки чужой. Чащоба была слишком густой, слишком плотной. Жанна довольствовалась тем, что со своего наблюдательного пункта, расположенного на холме, охватывала взглядом весь неровный окружающий пейзаж. Целая лесная страна, там и тут прорезанная прудами, мерцающими под антрацитовым небом, укрытая полями и пастбищами. За частоколом деревьев скрывались фермы. Девочка знала почти всех, кто там жил, встречалась с ними во время ярмарок и по воскресеньям на мессе. Но что там, за горизонтом, Жанна не знала. Отён, куда она раньше ездила раз в год, служил ей самым дальним пунктом назначения. Большой город, полный людей и шума, в котором она как-то заблудилась, замороженная, невольно втянутая в круговорот красок, голосов и запахов, из-за чего и потеряла из виду спину своего отца.

* * *

Возвращаясь с одной из прогулок, Жанна с удивлением услышала голос Фанетты, ругавшей дядю Альцеста, который стоял рядом с женой за живой изгородью из боярышника. Жанна застыла на месте. Фанетта шипела как змея. Ее слова напоминали языки огня, жгучие и острые:

– Не знаю как, но избавься от нее, я больше не хочу ее видеть! Она снова пропала на все утро, а я заметила Этьена в луже, вода была ему по пояс, а она где шлялась все это время? В деревне уже начинают об этом судачить! Ты знаешь, куда она ходит вот так каждый день? Одна неудачная встреча – и ее репутация будет навсегда разрушена, девчонка останется у нас на руках! Я слышала, где-то поблизости бродят солдаты. Отец Ансельм говорит, что в Отёне недавно появились вербовщики, они набирают рекрутов. Дороги небезопасны, сейчас действительно не время для праздных прогулок!

Голос дяди, что-то говорившего в ответ, прозвучал приглушенно и невнятно, он будто съезжился от гнева жены, беспомощный и усталый. Охваченная ужасом, Жанна сняла сабо, чтобы стать как можно незаметнее, и босиком проскользнула к конюшне. Она и сама понимала, что ужасно опаздывает: время дойки прошло, две козы нервничали и задирали друг дружку.

Жанна постаралась умиротворить их мягким голосом, одновременно с этим поспешно совершая необходимые приготовления. Табурет, ведро, вот она и здесь... Она не услышала, как вошел дядя, и его резкий голос заставил девочку вздрогнуть:

– Где ты была, черт возьми? Фанетта ищет тебя повсюду уже несколько часов! И потом, почему ты разговариваешь со скотиной и никогда не разговариваешь с людьми? Что мы тебе сделали, скажи, наконец!

От удивления Жанна едва не опрокинула ведро с молоком. С порога, стоя против света, дядя устало смотрел на нее с высоты своего роста. Он казался еще более сгорбленным, чем обычно. Жанну затопил стыд.

– Нам нужно поговорить, – продолжил родич, избегая встречаться с ней взглядом. – Так больше продолжаться не может.

Чувствуя, что у нее перехватило горло, Жанна лишь молча кивнула.

* * *

В обычное время Жанну мог бы развлечь любой пустяк: бег облаков, колыхание паутины, медленное падение капли воды на бутон цветка, солнечные лучи, ласкающие ее веснушчатую кожу, влажность травы на босых ногах, натертых сабо.

Но сегодня она была слишком измучена.

Случайно услышанные в разговоре Фанетты и дяди слова не переставали звучать у нее в голове, как приговор.

Жанна снова ушла в лес, хотя знала, что это нехорошо. Но ей это было необходимо. Только быстрая ходьба помогала обуздать тревоги, которые иногда охватывали девочку. Тропа поднималась в гору, крутая и коварная. Юбка из грубого сукна цеплялась за кусты, ветки хлестали по лицу. Но там, наверху, на небольшом пятачке круглой поляны, стоял дуб. Ее дуб. Жанна нашла его случайно, в тот день, когда вместе с другими детьми водила свиней поесть желудей. Ее сразу же тронула и умиротворила спокойная сила, исходящая от дуба, такого же одиночки, как и она сама: как ни странно, он пустил корни вдали от своих собратьев.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, Жанна ворвалась на поляну. Из-под ее белого чепца выбились каштановые пряди. Она остановилась, чтобы отдышаться, и долго разглядывала дуб – его прямой ствол, прочно вросший в землю, корявые ветви, змеящиеся вокруг, как ореол, в поисках света. Весна в этом уголке Морвана всегда была поздней, и в апреле нередко попадались островки снега, а деревья долго оставались голыми и серыми. Но на этот раз весна наступила по-настоящему. Повсюду нежно зеленели только что вылупившиеся почки. Потоки талой воды превращались в маленькие поющие водопады. Свежая листва еще пропускала солнечные лучи, которые мягким светом заливали подлесок. Жанна медленно двинулась к дубу и, подавив рыдание, прижалась лбом к стволу.

* * *

Дядя позвал девочку сопровождать его на осеннюю ярмарку. Приглашение удивило Жанну, но она не осмелилась попросить у родича объяснений. Они встали еще до рассвета. Альцест пошел запрягать осла, пока Жанна кормила детей, а затем они отправились в путь, не обменявшись ни словом. День изо всех сил пытался наступить, но небо выглядело угрожающе. Со всех деревьев после недавнего сильного ливня капала вода и целыми потоками стекала по дорожкам. Ее шум напоминал кристально чистое пение, к которому примешивался чавкающий звук, издаваемый их громоздкой обувью в грязи. Жанна вдохнула полной грудью. Воздух благоухал дикой мятой. Ей нравился этот запах. Очень редко они оказывались с Альцестом вот так, наедине, с глазу на глаз, дядя и племянница. Встревоженная, Жанна чувствовала, как слова теснятся у нее в голове. Зачем дяде понадобилось, чтобы его сопровождала именно она, а не кто-то из ее двоюродных братьев? И что означает странный взгляд Фанетты, который та бросила на нее незадолго до их выхода? Может быть, это редчайшая возможность поговорить с

дядей по душам! В конце концов, она последний живой ребенок его брата, с которым Альцест был довольно близок. А еще Жанна мечтала, чтобы дядя рассказал о ее матери. Хорошо ли он ее знал, как она выглядела, похожа на нее Жанна или нет. Да, шанс прекрасный. Но, едва подумав о нем, девочка тут же подавила душевный порыв, впад в состояние, подобное столбняку. Ни одного слова так и не сорвалось с ее губ. Достояна ли она, чтобы дядя обратил на нее внимание? Ведь она всего лишь девочка.

Через некоторое время осел начал фыркать, а затем наотрез отказался двигаться дальше. Привычная к его упрямству, Жанна собрала букет полевых цветов, которым помахала у животного перед носом, подбадривая вполголоса. И осел снова двинулся вперед.

– Не знаю, кто из вас глупее, – пробормотал Альцест, бросив на нее злой взгляд.

Жанна встревоженно уставилась на него, ничего не понимая. Голос у дяди был жесткий, как камешки, брошенные в лицо.

– В тот день, когда у тебя появится муж, тебе все-таки придется с ним поговорить... – угрюмо продолжал он.

Девочка почувствовала, как невысказанные слова обжигают ей губы. Муж? Они уже нашли ей жениха? Кто он? Знает ли она его?

– Кто? – пробормотала она, ощутив шум в голове.

– Ну надо же! Да никак ты соизволила открыть рот?

С замиранием сердца Жанна умоляюще посмотрела на дядю, но тот не обратил на это внимания, ускорив шаг.

* * *

Когда они прибыли на ярмарку, дядя велел Жанне подождать его возле птичьего вольера: у него есть кое-какие дела, но он скоро вернется. Жанна подчинилась и смотрела, как он удаляется, ведя с собой осла. Она пребывала в растерянности, не зная, что делать и куда деваться; ее то и дело толкали хлопотливые крестьяне. Поняв, что находится на самом проходе, она решила немного отойти в сторону, привлеченная скоплением вьючных лошадей, мулов и ослов, которых продавали барышники, помогая себе громкими криками. Тронутая нежностью взглядов животных, которые, казалось, говорили о столь многом, Жанна подходила все ближе, пока не смогла погладить вздрагивающие носы, которые тянулись к ней. У скота все еще не сошла зимняя шерсть, густая, мягкая, и девочка погрузила в нее руки. Вокруг воняло навозом и мочой. От тесноты животные нервничали, их подвижные уши дергались во все стороны, в то время как возможные покупатели приходили и уходили, осматривая круп, зубы и копыта с инквизиторским тщанием. Здесь присутствие Жанны тоже стало обременительным, и ей это дали понять. У фонтана посреди площади вокруг лоточника собралась целая толпа. Похоже, он был довольно обеспеченным, поскольку владел мулом. Тучный и громкоголосый, лоточник расхваливал свои товары, размахивая руками наподобие мельницы. В его багаже, большой деревянной тумбе с выдвигаемыми ящиками, можно было найти что угодно: различные ткани – шифон, перкаль, бязь, шелк, сукно, – а также галантерею, салфетки, кружево, перчатки, чепцы, шляпы, ремни, специи и табак, печатные издания, религиозные книги и картины. Крестьянки с завистью смотрели на все это богатство. Одни пытались прикоснуться к тканям, другие разглядывали картинки. Жанна уставилась на торговца. Он был уже не первой молодости, но от него исходила сила и бодрость. Лоточник вел себя вызывающе, был знаком с большинством зевак, окружавших его, и обращался с ними по-свойски. Надо сказать, что его приездов – один раз осенью и один раз весной – ждали с нетерпением. К тому же это давало возможность узнать новости о других краях, о том, что происходит в соседних городках, на другой стороне леса. Жанна гадала, какой может быть жизнь, когда ты все время в дороге.

В толпе бродили солдаты, те самые, на которых намекала Фанетта. Они дислоцировались в городе на время вербовки. Заинтригованная, Жанна стала наблюдать за ними. Солдаты шли небольшими группами, выделяясь среди толпы в своих красных мундирах и начищенных черных сапогах; держались они нагло и бесстыдно пялились на встречных хорошеньких девушек. Жанна не вчера на свет родилась. Она была знакома с такого рода людьми, а также с их не всегда порядочным способом вербовки, который часто заключался в том, чтобы набирать рекрутов среди задержанных обитателей городского дна или воров, пойманных на месте преступления. И поскольку для некоторых вербовка становилась единственным способом избежать тюрьмы, недостатка в сбороде не было. Чтобы стать солдатом его величества, требовалось только одно: чтобы рост был не меньше пяти футов и одного дюйма. Жанна знала это, потому что сына соседки не взяли из-за маленького роста. Издалека она следила за одной из маленьких праздных групп завербованных, которые убивали время болтовней и разглагольствовани-ями, смешиваясь с сине-серыми крестьянскими блузами. Несмотря на самоуверенный вид, форма на них частенько казалась слишком большой или слишком маленькой. Некоторые были явно выпившими, судя по неверной походке, и это несмотря на ранний утренний час. На углу площади Жанна обнаружила палатки, раскрашенные в полковые цвета. Рядом стояли две-три девушки, похожие на цыганок, так называемые загонщицы, в то время как капитан, краснолицый одутловатый толстяк, забравшись на бочку, окликал оттуда проходящих молодых парней.

– Двадцать су в день! – обещал он, и предложение было не очень-то выгодное.

Тут на плечо Жанне опустилась чья-то рука, и девочка едва не подпрыгнула.

– Что ты здесь делаешь? Я тебя ищущую целую вечность! Тебе же было сказано стоять на месте и никуда не двигаться!

Жанна оказалась нос к носу с дядей, который очень сердито уставился на нее. Поискав взглядом осла, она немного растерялась, не увидев животное. Альцест грубо подтолкнул Жанну вперед, заставляя идти перед собой, чтобы не потерять ее из виду. Так они пробирались друг за дружкой в толпе, которая становилась все более плотной. Солнце теперь стояло высоко в небе, свежий, резкий ветер гнал облака, заставляя трепетать полотнища палаток и веревки. По-прежнему подталкиваемая дядей, чей кулак был безжалостен, и получая попутно тычки от прохожих, Жанна в конце концов заметила осла, который терпеливо ждал, привязанный к столбу, рядом с загонем, где находились волаы. Девочка почувствовала огромное облегчение. Она уже опасалась, как бы дядя не продал его. Ей было хорошо известно о шаткости их положения. После поземельного оброка и полевой подати, которую они должны были выплачивать своему сеньору, да еще обычных пошлин за доступ к печи и давяльне, им оставалось, только чтобы не помереть. В последнее время дядя часто пребывал в мрачном настроении, да и как иначе? Так много ртов, которые надо накормить таким малым количеством еды. Но осел все еще стоял на месте, и его корзины были даже наполнены. Жанна собиралась погладить шелковистую шерсть животного, когда массивная фигура внезапно преградила ей путь, встав у нее на пути, как гранитная глыба. От неожиданности девочка резко остановилась. Дядя суровым тоном представил их друг другу:

– Никола Боннардо. Жанна, моя племянница.

Совершенно ошеломленная, девочка по очереди смотрела на дядю и стоящего рядом мужчину с седеющими волосами, пергаментным лицом и ярко-синими глазами, которые прятались под густыми кустистыми бровями, придающими Никола недовольный вид. Он был небольшого роста, коренастый, ноги чуть кривоваты, плечи сутулые. Жанна с трудом сглотнула, чувствуя на себе пристальный взгляд, изучающий ее лицо, грудь и бедра, возвращаясь и задерживаясь, словно в поисках скрытого дефекта.

– Можно взять на пробу, – наконец изрек Боннардо.

Альцест натянуто улыбнулся, и двое мужчин обменялись крепкими рукопожатиями. Судя по довольному лицу дяди, сделка была заключена и явно оказалась выгодной. Сбитая с

толку, Жанна попыталась встретиться с Николая взглядом. Так, значит, вот оно что? Ярмарка была лишь предлогом. Получается, ей подстроили ловушку. Почему дядя не предупредил ее о своих планах?

Задыхаясь, Жанна понимала, что ее продали, как скотину из тех, что сейчас стояли, терпеливо ожидая в загоне близости, что было не так уж далеко от правды. Действительно, Николая Боннардо и его жена, которую все называли Лисицей, были известными в округе барышниками, посредниками для дворянских и буржуазных семей, когда те искали горничных, гувернанток, нянек и прочую прислугу.

Возвращение в деревню после ярмарки получилось ужасным. Альцест не разжимал губ, обрекая Жанну на мучения. Никаких объяснений, ничего, кроме ускользающего взгляда, устремленного далеко вперед. Осел, инстинктивно почувствовав, что они идут домой, заставлял их ускорить шаг. Теперь не понадобилось ни чертополоха, чтобы вытянуть ослика по крупу, ни букета полевых цветов, чтобы задобрить; животное само задавало темп, не заставляя себя упрашивать. У Жанны все болело, она спотыкалась на ровном месте, а взгляд ее туманили слезы, которые грозили вот-вот пролиться.

* * *

Глаза тети, напротив, засверкали лукавой радостью, когда, услышав радостную новость из уст мужа, она буквально набросилась на свою воспитанницу:

– Да тебе радоваться надо! Не так уж и плохо у тебя устроилась судьба. Надеюсь, ты не опозоришь нас и сумеешь вести себя как следует. Если начистоту, умение читать и писать сыграло тебе на руку, потому что во всем остальном...

Через несколько дней Жанне предстояло отправиться работать в Дижон к аптекарю, которому требовалась не слишком глупая служанка, чтобы поддерживать порядок и чистоту в аптеке. Место было хорошее, на такое она вряд ли могла рассчитывать: Жанна не знала, что славный деревенский кюре изо всех сил старался замолвить за нее словечко.

Охваченная вынужденными и столь же запоздалыми угрызениями совести, Фанетта обратилась к нескольким соседкам с просьбой помочь ей изготовить некое подобие приданого, чтобы Жанна не явилась к своему работодателю, можно сказать, босая и раздетая. Убаюканная болтовней знакомых ей с самого рождения женщин, усевшихся в кружок у камина, Жанна с новой остротой воспринимала привычную обстановку. В доме темно и сыро. Из мебели только самое необходимое. Распятие над дверью. Фанетта, раздувшаяся от собственной важности и нашедшая еще один повод говорить больше всех, – вся из себя хозяйка дома с громовым голосом и неискренним смехом. Холодный взгляд, который она бросала на племянницу, противоречил расточаемым улыбкам. Жанна старалась не встречаться с теткой глазами, благоразумно опустив голову и сосредоточив внимание на шитье. Нервничая, она то и дело колола себе пальцы. Но еще больше сил уходило на то, чтобы не вздрагивать и не поднимать голову, чтобы не лить воду на мельницу своей тети, которая без конца рассказывала, как буквально перевернула небо и землю в поисках такого прекрасного работодателя. Ее похвальбу сопровождали сочувственные кивки, многозначительные гримасы, вздохи, щелканье языком и пытливые взгляды, от которых не укрывалась ни одна мелочь. Жанна и правда хорошо устроилась, она должна благодарить родню! Затем каждая из присутствующих по очереди принималась делиться своими воспоминаниями, высказывая множество советов и предупреждений. Но Жанна больше не слушала, погружившись в свои мысли, уносившие ее далеко-далеко, за пределы деревни и леса. Пережив первое потрясение и горе, она уже не так боялась неизвестного, которое ее ожидало. Ей даже было немного любопытно. Она скоро уедет отсюда, исчезнет из жизни их всех, тихонько удалится. Жанна знала, что никто не станет о ней жалеть.

* * *

Дядя ждал ее, сидя в повозке, запряженной крупной лошадей в яблоках. Жанна увидела, что ее немногочисленные вещи и белье уложены позади, в дубовый сундук, сделанный специально для этого случая плотником Комо. Альцест протянул племяннице руку, чтобы помочь взобраться на скамью. Жанна вздрогнула от прикосновения его кожи, шершавой и сухой, и без единого слова уселась, расправив юбки вокруг себя. Сердце у нее так колотилось, словно она проглотила лягушку. Все лица были обращены к ним, но перед глазами у Жанны все затуманилось, она с трудом различала собравшихся. Ей хотелось бы в последний раз взглянуть на своих двоюродных сестер и братьев, но, кроме сидевшего на краю колодца Гратьена, маленького мальчика с непроницаемым выражением лица, чернявого, будто кусок угля, она больше никого не увидела. Однако она знала, что все они здесь. Накануне вечером Мари расплакалась при мысли о разлуке, Маргарита поклялась кузине, что никогда ее не забудет, а Гаспар с высоты своих пяти лет пообещал, что однажды пересечет лес, чтобы навестить ее. Что же касается Этьена, младшенького, то он ничего в происходящем не понимал. И хотя Жанна была для него во многих отношениях почти матерью, он явно станет первым, из чьих воспоминаний сотрется ее образ. Когда повозка тронулась, Жанна в последний раз оглянулась на Фанетту: та, застыв со сжатыми губами и бесстрастным лицом, первой отвела взгляд и неторопливо отвернулась.

Поездка в сопровождении дяди оказалась недолгой. В двух лье отсюда была назначена встреча с Николя Боннардо, во владение которого отныне поступала девочка. Сама того не зная, Жанна покидала деревню навсегда. Сюда она больше не вернется.

Глава 2

Дижон, 1752–1761

В течение девяти лет Жанна оставалась на службе у странного низкорослого мужчины без возраста, нервного и сухощавого, который только и жил что своей аптекой, – мэтра Жана Эда Бордонне. Его хрупкое тело все время находилось в движении, которое, казалось, ничто не может замедлить. Пронзительный, почти колючий взгляд, которым аптекарь бескомпромиссно смотрел на собеседников, словно проникал в их мысли. Букли парика, всегда надетого чуть криво и частенько взъерошенного, развевались во все стороны. Склонность мэтра постоянно разговаривать вслух с самим собой имела неожиданное преимущество: она научила Жанну гораздо большему, чем ей удалось бы узнать при других обстоятельствах. Равно как и маниакальное пристрастие к ведению записей и порядку, который аптекарь стремился навести в своей лавочке: требовательный и грозный работодатель, он не прощал ни одной ошибки. Первые несколько месяцев, ужасно напуганная, почти в столбняке от грозного господина, Жанна занималась исключительно печами и домашним хозяйством, скрупулезно следя за тем, чтобы никогда ничего не перемещать и не нарушать заведенного в логове хозяина порядка. Она двигалась будто тень – настолько боялась совершить промах. Судя по всему, аптека была единственным смыслом существования мэтра Бордонне, который проводил там все время, приходя в жилые комнаты наверху только для того, чтобы поспать и поесть, о чем ему напоминала Жанна, когда он забывал о времени. Девушка еще помнила первое впечатление, которое произвела на нее лаборатория аптекаря, когда она впервые вошла туда: все эти огромные полки из темного дерева, доходящие до потолка, загроможденные бутылками, горшками, кувшинами в столь же сложном, сколь и научном порядке. Написанные на посудинах загадочные и торжественные латинские слова означали научные названия лекарств и медикаментов. От вездесущих насыщенных запахов у нее в первые дни кружилась голова – так далеко от вселенной, в которой она жила до сих пор. Это одновременно поразило и восхитило ее. И вот однажды, когда Жанна, полагая, что она в аптеке одна, читала вслух некоторые надписи, мэтр подловил ее и спросил, умеет ли она также и писать. С некоторых пор у старика ухудшилось зрение, ему становилось трудно читать собственные записи, а в кабинете было так темно. С сильно бьющимся сердцем, которое, казалось, вот-вот выскочит, застигнутая врасплох, Жанна ответила утвердительно, хотя, по правде говоря, прошло много лет с тех пор, как она в последний раз бралась за перо. Она сомневалась, что еще не разучилась писать; вдруг она все забыла и только думает, будто умеет?

– Хорошо, посмотрим, на что ты способна. Возьми это гусяное перо и чернильницу и напиши слова, которые я сейчас тебе продиктую.

Испуганная, Жанна безропотно подчинилась, неловко усевшись на стул с высокой спинкой, на который аптекарь властно указал ей. Затем она взяла перо, которое тот настойчиво протягивал ей, и одновременно поймала себя на том, что другой рукой в волнении украдкой гладит тонкую бумагу.

– Мазь от незначительных ожогов, – торжественно произнес Бордонне, скрестив руки за спиной и расхаживая по комнате широкими шагами. Время от времени он бросал на Жанну острые взгляды, как бы оценивая ее, все еще сомневаясь.

После того первого страшного диктанта Жанну несколько дней мучили судороги по всей правой руке, так сильно она была напряжена, боясь разочаровать хозяина и потерпеть неудачу.

Но она справилась. Водрузив на нос очки, аптекарь долго разглядывал ее первую запись и наконец пробормотал:

– Движения неуклюжие, почерк грубый, но со временем и упражнениями ты сможешь улучшить свои навыки. Тебе придется потрудиться, Жанна. Отныне ты каждый день будешь копировать отрывки из книг, чтобы выработать легкость руки и улучшить почерк.

– Хорошо, месье...

– Итак, давай начнем с этого научного труда – «Антидотарий Николя»¹. Для тебя это одновременно будет и возможностью обучиться. Образование – это очень важно! Никогда не останавливайся на достигнутом! Эта книга, фундаментальный для того времени труд, была написана в пятнадцатом веке и на протяжении десятилетий служила библией для нас, аптекарей.

Вскоре переписывание стало привычкой. Каждое утро после тяжелой работы по дому и походов на рынок Жанна проводила час в задней комнате аптеки, копируя одну страницу за другой. Ее любимое время суток, которым она наслаждалась как наградой, запах бумаги и чернил, тишина, которая окутывала, как вторая кожа. Ровный скрип пера сопровождал мысли девушки, придавая ритм движениям руки, которая становилась все более гибкой и проворной. В отличие от приходского священника деревни Ла-Комель, который был вынужден экономно использовать каждый клочок бумаги, мэтр не скупился на целые листы. Вопрос денег, вопрос социального положения. Без счета выводя строчки слов, Жанна только теперь начала понимать, как неслыханно повезло ей получить поддержку этого замечательного человека, в то время как другие остаются безграмотными. Затем, когда мэтр наконец счел девушку готовой, он начал диктовать ей свои последние смеси и формулы из большого кодекса, который служил Бордонне справочником по всем лекарствам. Аптекарь расхаживал взад и вперед по комнатке, пока Жанна усердно склонялась над бумагой. Ее белая шея изгибалась, высвобождая несколько завитков темных волос, которые мэтру так хотелось бы погладить – украдкой, тайно, будь он на несколько лет моложе.

Аптекарская лавка являлась царством растений и специй со всего мира; некоторые были особенно редкими и, следовательно, самыми дорогими: сахар, ладан, мирра, перец, имбирь, корица, шафран, алоэ и хинное дерево. Жанна знала их уже высушенными, иногда даже растертыми в порошок, но у мэтра имелись ценные научные труды с великолепными иллюстрациями, позволяющими увидеть растение в его первоизданном виде. Очарованная, Жанна никогда не уставала от чтения, которое уносило ее на край света, в страны столь далекие, что они казались почти нереальными. Мэтр Бордонне не упускал случая рассказать воспитаннице о жизни некоторых исследователей, которых любопытство привело на край света: бесстрашные люди, которым пришлось выдержать тысячу и одну опасность из любви к наукам, великие умы, искатели приключений.

Жаль, думал он, что Жанна принадлежит к женскому полу и к тому же скромного происхождения. В его глазах юная ученица обладала всем необходимым, чтобы помогать ему, а затем и стать его преемницей. Аптекаря восхищали ее ум, ловкость рук, отличная память, скромность, дотошность и безупречная чистоплотность. Но время поджимало, и ему срочно требовалось подготовить серьезного и законного ученика, которому можно будет передать свое дело. Когда осенью 1757 года к ним присоединился ученик, мэтр начал его обучение с того, что самым естественным образом обращался к обоим, не делая ни малейшего различия. Громким звучным голосом он произносил многословные речи, оставляя без внимания презрительные взгляды, которые бросал на Жанну юнец, возмущенный тем, что какая-то служанка может иметь отношение к столь важным научным вопросам, и особенно уязвленный, что та чувствует себя в равном положении с ним. Леонард Дюмон был младшим сыном в семье очень известных дижонских дворян, которые из принципа не водились с низшими слоями населения, настолько для них было важно и бесспорно, что каждый должен оставаться на своем месте. Действи-

¹ Книга медицинских рецептов, собранная в медицинской школе Салерно в XI–XIII веках.

тельно, мысли философов еще не достигли широких слоев общества, для многих они были далекими и непонятными. Высокий, очень худой, с бледным лицом человека, избегающего солнца, и сильно оттопыренными ушами, Леонард Дюмон был далеко не адонисом. С раннего возраста он не переставая учился с упорством одержимого монаха-переписчика и намеревался полностью посвятить себя научному поприщу, которое открыло бы ему путь к месту компаньона аптекаря, а затем и дипломированного специалиста: долгий трудный путь, требующий полной самоотдачи, где не было места для юмора или великодушия. Заметив коварную и мелочную враждебность соученика, Жанна сочла более благоразумным отступить, оставив при себе мысли, размышления и вопросы, чтобы не потерять всё раз и навсегда. Обучение у мэтра Бордонне, неожиданное и захватывающее, стало для нее жизненно важным и драгоценным, и девушка больше всего боялась, что придется отказаться от него, так как не могла больше мириться с традиционным уделом женщины и простой служанки. Скромная и сдержанная, она завела привычку исчезать в задних комнатах, едва порог переступал покупатель, и довольствовалась тем, что вся обращалась в слух и упивалась словами аптекаря, не подавая виду и продолжая заниматься повседневными делами. Мэтр обладал множеством знаний, которые мог передать, и в ее глазах он был кладезем науки. Благодаря его урокам Жанна запомнила каждый вид сосудов и назначение их содержимого: *альбарелло* использовался для хранения сильнодействующих лекарств, мазей и специй; в бочонках хранились бальзамы, пасты-*электурии* и загущенные фруктовые соки. Были тут и таблетницы, и склянки с носиком, в которых держали сиропы, различные бутылки с дистиллированной водой, эликсирами и спиртовыми настойками, кувшины с деликатными маслами и, наконец, банки с *териаком*² из шестидесяти ужасных ингредиентов, ядами и противоядиями. В аптеке также хранились необычные препараты, приготовленные из рогов, костей, мозгов, камней, янтаря и мускуса, иногда высушенных, иногда измельченных в порошок, а также мышьяка, ртути и сурьмы. Чем опаснее в использовании были ингредиенты – растительные или минеральные, – тем выше они стояли на полках, до которых можно было добраться по раздвижной лестнице; пользоваться ею имел право только ученик.

Из-за приоткрытой двери комнаты, где сушились растения, посреди ароматов ромашки, Melissa или липы, Жанна наблюдала за посетителями, пришедшими за лекарством, советом и помощью. Разнообразие недугов было бесконечным, и попадались совсем неблагоприятные. Тогда помещение аптеки становилось своего рода исповедальней, и зачарованная Жанна обнаруживала, что изо всех сил напрягает слух. Приглушенные голоса в успокаивающем полумраке превращали аптекаря в духовника или хранителя не всегда почетных секретов. У мужчин часто были хриплые голоса и нетерпеливые жесты людей, привыкших отдавать приказания, которые тут же исполняются. Безупречно белые чулки и сверкающие пряжки туфель, расшитые жакеты и напудренные парики, трость с набалдашником из слоновой кости, черепаховые пенсне – здесь часто бывали сливки дижонского общества, местная знать, судейские. Женщины же, напротив, вели себя более сдержанно, приходя украдкой, втайне от мужей, отцов или братьев и даже от своих горничных, в те часы, когда меньше всего посетителей, пряча лица под большими капюшонами, а изысканные платья – под длинными накидками, хранящими их секрет. Что касается людей из простонародья – ремесленников, торговцев, белошвеек, прислуги, – здесь их искать было бесполезно: они никогда не переступали порога аптеки, во всяком случае, когда дело касалось их самих. Их тощего кошелька не хватило бы на оплату снадобья мэтра Бордонне, и они полагались на травника, который работал в базарные дни, и на цирюльника.

Но из всех проходящих сюда был один, которого Жанна особенно ждала. Посетитель отличался от остальных и являлся не за лекарством, а чтобы с переполняющими его энергией и задором поговорить о ботанике и траволечении, поделиться своими последними откры-

² Мнимое универсальное противоядие от всех видов отравления.

тиями. Они с мэтром Бордонне были знакомы давно и высоко ценили друг друга, встречи их больше напоминали беседы отца и сына, одновременно радостные и полные оживления, особенно когда они происходили после долгого перерыва. Забыв о времени, друзья часами разговаривали, склонившись над засушенными экземплярами, которые рассматривали с увеличительным стеклом в руке, и переговариваясь на таинственном жаргоне, известном только им, в то время как у брошенных клиентов не было другого выбора, кроме как положиться на заботу ученика, преисполненного рвения. Из задней комнаты аптеки Жанна прислушивалась к разговору хозяина и гостя, проклиная полумрак, который мешал ей как следует разглядеть черты этого господина, которого она узнавала только по высокой фигуре и низкому голосу, теплому и страстному. Кто он? Откуда является сюда? Может, он поставщик аптекаря, один из тех травников, которым хозяин делает заказы? Или путешественник-исследователь? Он никогда не приходил без набитой до отказа котомки. Его красноречие и богатый словарный запас давали возможность предположить, что человек это образованный и блестящий. Но иногда такой неопрятный на вид, что Жанна приходила в замешательство. Его каштановые волосы редко были накрыты париком, а чаще всего небрежно собирались в хвост. Что же касается нарядов, помятых и запыленных, то они поражали своей крайней скромностью, позволяя предположить, что одежда беспокоит гостя меньше всего. Однажды вечером после его ухода, оставив без внимания неодобрительный взгляд Леонарда, Жанна набралась смелости и спросила аптекаря:

– Кто этот господин? Месье появляется тут не первый раз и всегда уходит с пустыми руками. Это не клиент, не так ли? Это один из тех, кто вам доставляет сырье?

Никогда еще Жанна не произносила столько слов не переводя дыхания, словно у нее была невероятно важная причина торопиться.

Повеселевший аптекарь бросил на нее озорной взгляд.

– Очаровательный мужчина, не так ли?

За их спинами ученик проворчал, испепеляя девушку взглядом:

– Вы очень любопытны, Жанна! Вы очистили все флаконы, которые я вам дал? А заказ для госпожи де Бассаден приготовлен?

– Да, месье.

– Хорошо, тогда надо, не мешкая, наполнить сосуды с шалфеем и липой.

– Сейчас сделаю, месье.

Смирившись с тем, что больше ничего не узнает, Жанна уже поворачивалась, когда пронзительный голос аптекаря застал ее врасплох.

– Это господин Филибер Коммерсон, врач и ботаник. В настоящее время он участвует в обустройстве нашего ботанического сада. Ты когда-нибудь была в этом сказочном месте, Жанна? Тебе непременно нужно его посетить...

* * *

Всю неделю Жанна не находила себе места, крутя в голове слова аптекаря, которые смогли разжечь ее любопытство. Филибер Коммерсон – это имя она наверняка никогда не забудет, даже если бы впервые увидела этого человека, не зная о нем абсолютно ничего. Чувства, охватившие девушку, были не из области разума, импульсивные, почти инстинктивные. Некоторые вещи не поддаются объяснению, они живут сами по себе, вот и всё. Само понятие ботанического сада также заинтриговало ее. Такого Жанна никогда не видела и задавалась вопросом, на что это похоже. Говорят, в таких садах сажают удивительные растения, привезенные из других мест, и все ботанические сады являются творением ученых садоводов, увлеченных коллекционеров.

Поэтому уже в следующее воскресенье, после церковной службы, Жанна воспользовалась свободным днем, чтобы попытаться открыть для себя неведомый сад. Бодрым шагом она покинула церковь Святого Михаила, под колокольный звон миновав толпу прихожан, и углубилась в лабиринт улиц, обрамленных лавками, витрины которых были закрыты деревянными ставнями, как и положено в воскресенье. Накануне вечером старый аптекарь объяснил Жанне, как пройти к ботаническому саду, и она целую ночь вспоминала и повторяла адрес, боясь заблудиться. Никогда еще девушка не отваживалась заходить так далеко от района, в котором жила уже десять лет. Она старательно избегала грязи и мусора, усеивающих брусчатку мостовой, и приподнимала юбки, краем глаза следя за все более грозным небом. В глубине души Жанна молилась, чтобы дождь не испортил ей радость, хоть и подозревала, что сейчас, осенью, сад предстанет не в лучшем виде. К тому же она не знала, что увидит на самом деле. Будет ли открыта решетка? Пустят ли ее внутрь? А вдруг это частная собственность? И потом, мэтр Бордонне предупредил, что сад находится в зачаточном состоянии; возможно, она будет разочарована.

Фахверковые дома, настолько узкие и тесно прижатые, что они, казалось, поддерживали друг друга, постепенно уступили место особнякам, ревностно скрываемым за высокими оградами. Незаметно для себя Жанна будто пересекла невидимую границу, оставив позади запахи и грязь торговых улиц, чтобы попасть в куда более богатый район.

Сад скрывался за красивыми воротами из кованого железа и большим зданием, которое весной должна полностью затенить глициния внушительных размеров. Жанна вошла внутрь почтительно, почти на цыпочках, совершенно не уверенная в том, что ее присутствие здесь законно, и почти ожидая появления охранника. Перед ней двигалась группа прогуливающихся – трое мужчин среднего возраста в компании своих жен, изящных и утонченных. Похоже, они были завсегдатаями этого места. Мужчины беседовали вполголоса, останавливаясь каждые пару шагов, их трости крутились в воздухе, словно подчеркивая важность хозяев. Жанна проскользнула вслед за ними, чтобы набраться храбрости, а затем потихоньку отошла в сторону, убедившись, что никто не собирается подвергать сомнению законность ее присутствия. Возможно, причиной служило грозное небо, но посетителей было мало, и очень скоро девушка уже в полном одиночестве прогуливалась по прямым аллеям, усыпанным опавшими листьями, запах которых напомнил ей о родной деревне. Жанна плотнее закуталась в тонкий плащ из серой шерсти, который плохо защищал от ледяного ветра. Руки и щеки у нее покраснели, башмаки быстро промокли насквозь. Тем не менее Жанна совсем не хотела возвращаться и, пробираясь зигзагами между огромными лужами, которые иногда затрудняли прогулку, продолжила свое исследование, останавливаясь, чтобы прочесть названия растений на латыни. Не зная некоторых слов, она тихонько повторяла их, словно заучивая. В отличие от буйно разросшегося сада комельского юре, о котором у нее остались самые теплые воспоминания, здесь территория была обустроена методично, словно расчерчена по линейке; каждое дерево и цветок были размещены по своим местам и промаркированы. Таким образом, посетители переходили от одного огороженного пространства к другому, сначала пересекая традиционный сад целебных трав, затем розарий, а потом, пройдя вдоль оранжереи и нескольких теплиц с запотевшими окнами, блуждали в лабиринте из самшита, попадая сперва в альпийский сад, а далее в более экзотические участки, где были собраны пальмовые, магнолия крупноцветковая, тамаринд, клещевина... К сожалению, не лучшее время года требовало от Жанны проявить все воображение, на которое она была способна, так как сейчас сад выглядел мрачным и представлял собой нечто в серых тонах, полусмытое морозящим дождем, с будто спящими растениями, часть из которых были обрезаны и с трудом узнаваемы. Вдали зазвонил церковный колокол, напомнив Жанне, что с тех пор, как она вошла сюда, прошел уже добрый час. Замерзнув, она решила пойти домой, пообещав себе вернуться, когда будет хорошая погода. Она еще не знала, что такого случая ей не представится никогда.

Глава 3

Зима 1761–1762 годов

Обычно мэтр вставал с рассветом, почти одновременно с Жанной, к которой присоединился на кухне, едва вскочив с постели. Закутавшись в толстый, искусно расшитый бордовый халат, который не снимал с первых холодов, еще не одетый и без парика, аптекарь с трудом, хрустя коленями, садился за тяжелый дубовый стол и требовал привычную чашку горячего какао, который просто обожал. Запах шоколада распространялся по всей кухне! Напиток и в самом деле был божественный; Жанне однажды позволили попробовать один глоточек после долгой торжественной речи мэтра об открытии какао – сказочного дерева, которым очарованы все великие монархи Европы. Воспоминание, которое восхищенная девушка хотела бы сохранить навсегда. Нежность пенки какао и его вкус, долго преследовавшие ее вкусовые рецепторы, были огромным счастьем. Старик признался, что любовь к какао – его личная прихоть, но что с того? Некоторые удовольствия бесценны, и это его единственный тайный грех.

– Если я сам не доставлю себе несколько маленьких удовольствий, кто тогда это сделает? Никто не услужит тебе лучше тебя самой – вот принцип, который никогда не следует забывать, моя маленькая Жанна!

В непринужденной домашней обстановке мэтр летом заменял парик шелковой шапочкой, зимой – бархатной. Его жилище состояло из спальни на чердаке и примыкающего к ней кабинета, окна которого выходили во внутренний сад, предоставленный самому себе. Ибо, как ни странно, хотя мэтр Бордонне являлся страстным любителем ботаники, садовник из него был никакой. Свежий воздух, природа, растения и букашки – в конечном итоге он ценил все это лишь в виде гравюр в трудах натуралистов. Таков был парадокс старого аптекаря, а вернее, книжного червя, который никогда не был так счастлив, как запершись в своем рабочем кабинете. Там царил настоящий хаос, неправдоподобное нагромождение странных, несочетаемых и самых невероятных предметов, купленных то здесь, то там: чучела животных, морские раковины, африканские маски, разноцветные перья и еще много всего непонятного, а временами даже пугающего. Например, ухмыляющийся череп, извлеченный из общей могилы, – череп повешенного вора! – выставленный на каминной полке вместе с ужасной мумифицированной рукой, твердой, почти черной, потрескавшейся, будто сделанной из старой кожи и вызывавшей у Жанны сильное отвращение. Из-за хозяйского кабинета, где ей приходилось заниматься уборкой, требующей особой внимательности, девушке без конца снились кошмары один ужаснее другого.

Иногда на лестнице попадались редкие посетители. С первого дня, как Жанна поступила на службу у аптекаря, этих людей, пользующихся особой привилегией, она могла пересчитать по пальцам одной руки. Затем однажды она с удивлением узнала фигуру Филибера Коммерсона, на которого едва не наткнулась в узком коридоре, соединяющем заднюю часть аптеки с кухней и жилыми комнатами. Оба одинаково смущенные, они прижались каждый к своей стенке, чтобы уступить друг другу дорогу. Несмотря на недостаток света, Жанна успела различить открытое доброе лицо и внимательный, полный любопытства взгляд, устремленный на нее. С бешено колотящимся сердцем она изо всех сил постаралась избежать этого взгляда, заставив себя не оборачиваться и не смотреть на гостя, пока он поднимался по лестнице, оставляя за собой запахи лежалого табака, мокрой земли и травы. Отправившись выполнять поручение ученика, Жанна не смогла увидеть его еще раз, когда он уходил. И с тех пор Коммерсон больше не возвращался.

В то утро иней покрыл все оконные стекла, нарисовав на них тонкие арабески. В камине гудело пламя. Усиленно двигаясь, Жанна изо всех сил пыталась согреться, настолько морозной выдалась ночь. Чтобы умыться, ей пришлось разбить лед, намерзший в фаянсовой миске. От

холодной воды пальцы покраснели и распухли. День не спешил начинаться, а хозяин – вставать, что было на него совсем не похоже. За десять лет такого еще ни разу не случилось. Аптекарь был ночным созданием, старым сычом, который довольствовался всего несколькими часами сна и всегда был занят своими драгоценными бумагами. Скоро сюда придет Леонард Дюмон вместе с первыми клиентами. Обеспокоенная, Жанна больше не стала ждать. Она поднялась по лестнице, перед этим подобрав юбки, чтобы в спешке не наступить на них, и постучала в дверь.

– Хозяин! Хозяин! Вы плохо себя чувствуете?

В ответ не раздалось ни звука. Неестественная тишина за дверью леденила кровь. Жанна осторожно открыла дверь и сделала первый шаг внутрь. Кабинет по-прежнему был погружен в полумрак, в котором китайскими тенями проступали очертания мебели, подсвечника, безделушек и чучел животных, но первым делом девушку встретил сильный запах камфары. Когда глаза привыкли к темноте, Жанна заметила на узкой кровати тело хозяина, неподвижное, как статуя, с вытянутыми вдоль тела руками и широко открытыми глазами. Сердце пропустило один удар. Опрокинув на ходу табурет, она бросилась к изголовью кровати Бордонне и, не задумываясь, схватила запястье старого аптекаря, которое не оказало никакого сопротивления, тяжелое и неподвижное. Однако под пальцами Жанна почувствовала теплоту кожи и легкую пульсацию. Хозяин был жив. Но, что любопытно, он вроде бы не спал и не бодрствовал, а дыхание словно приостановилось. Лицо мэтра провисло с одной стороны, как расплавленный воск, рот искривился в жуткой усмешке. Жанна потрясла его, позвала – все тщетно. Только глаза, которые яростно вращались в орбитах, казались еще живыми и безуспешно пытались что-то сообщить. На первом этаже хлопнула дверь, заставив Жанну вздрогнуть. Пришел Леонард. Одним прыжком Жанна оказалась на лестнице и выкрикнула его имя. В самом низу лестницы появилось обеспокоенное лицо молодого ученика.

– В чем дело, Жанна?

– Идите скорее сюда, хозяину плохо. Похоже, его отравили!

* * *

Но это было не отравление, а insult. Старый ученый выжил, хотя сохранились серьезные последствия удара; никто не мог сказать, станет мэтру лучше или нет. Дошедший до состояния безвольной куклы, с застывшим в постоянной гримасе лицом, страдающий недержанием, сильно истощенный, он больше не покидал своего логова, доверив аптеку заботам Леонарда. Жанна же стала сиделкой при больном. Ученик, который готовился скоро стать полноправным аптекарем, ежедневно приносил мази, чтобы излечить пролежни у старика, эликсиры, чтобы разжижить кровь, и укрепляющие травяные чаи. Но в целом особенно ничего нельзя было сделать: ни одно лекарство на свете не могло исцелить мэтра. Некоторые болезни оставались неизлечимыми, что в глазах Жанны было особенно несправедливо и жестоко по отношению к такому хорошему человеку, который всю жизнь заботился о других.

* * *

Однажды утром, когда Жанна была занята сменой испачканных простыней, старик попросил у нее бумагу, чернила и перо. Зима уступила место холодной и серой весне. Под порывами ветра голые ветви граба царапали створки мансардного окна. По виднеющемуся за окном крошечному квадрату неба облака неслись во всю прыть, словно стремясь убежать. В отблесках пламени, отражавшихся в стеклах очков, старик, удобно устроившись в кресле, глубоко вздохнул, а затем дрожащей рукой принялся яростно царапать на бумаге неразборчивые фразы. Помявшееся перо неприятно скрипело, а Жанна, заинтригованная, краем глаза наблюдала, чем занят хозяин. Закончив, мэтр издал глухое ворчание, подзывая девушку к себе. С

того рокового дня его речь была затруднена, поэтому Жанне пришлось напрячь слух, склонившись над стариком.

– Это рекомендательное письмо, – с трудом произнес он, извергая изо рта целый водопад слюны.

Ничего не понимая, Жанна уставилась на листок. Мэтр нетерпеливо сунул бумагу ей в руки.

– Тебя ждет место экономки. Я хочу, чтобы ты туда отправилась.

– Вы хотите, чтобы я ушла? – ошеломленно прошептала она.

– Да! Тебе больше не место здесь, рядом с прикованным к постели стариком вроде меня.

Я больше не нуждаюсь в твоих услугах.

– Вы меня увольняете? – Жанна расплакалась, но мэтр лишь раздраженно отмахнулся.

– Нет, наоборот: я освобождаю тебя. – После чего бесцеремонно, почти с яростью прогнал ее: – Пошла прочь! Иди собирать свои вещи, сейчас же!

– Но...

– И закрой за собой дверь. Оставь меня одного... сию же минуту!

Потрясенная, Жанна оказалась на лестничной площадке, отказываясь верить случившемуся. Со слезами на глазах, она на дрожащих ногах спустилась по лестнице, почти ничего не соображая. Леонард Дюмон работал в задней комнате. Ошарашенная Жанна застыла в дверях. Повернувшись, юноша бросил на нее вопросительный взгляд:

– С хозяином все в порядке?

– Да.

– Тогда почему такое выражение лица? Можно подумать, вы увидели привидение.

Для Жанны не было секретом презрение, которое молодой соученик питал к ней с самого начала – тайное и подлое, которое Леонард тщательно скрывал от аптекаря. Но отныне он уже не давал себе труда прятать свою неприязнь: обстоятельства изменились. Украдкой вытерев слезы, Жанна протянула ему письмо, которое Леонард быстро просмотрел с непроницаемым и холодным лицом.

– Я не удивлен, – наконец сказал он, возвращая ей письмо. – У мэтра Бордонне осталась только одна родственница – старая незамужняя сестра. Скоро она приедет и будет заботиться о нем, чтобы по возможности избежать больницы.

Жанна с потрясенным видом таранилась на собеседника. Оттого, что ученик мэтра принялся ходить взад-вперед, у нее закружилась голова. Вроде бы Дюмон обращался к ней, но при этом ни на мгновение не встретился с ней взглядом. Его голос был сухим и отстраненным, почти равнодушным.

– Уход за мэтром требует слишком много внимания и предполагает некую близость. Он больше не хочет, чтобы этим занимались вы. Также будет нанята горничная для домашней работы. Вам повезло, что старик вас так высоко ценит...

– Спасибо...

– ...И что заботится о вас, несмотря на состояние здоровья. Место экономки – бесценная возможность. Вы знаете, когда вас ждут в Тулон-сюр-Арру?

– В конце недели, месье.

Наконец остановив на ней взгляд, Леонард долго разглядывал ее, мрачный и суровый.

– Да, – наконец пробормотал он, – вам действительно очень повезло, место просто отличное.

– Так вы знаете, куда меня берут?

– Бордонне не сказал вам? К Филиберу Коммерсону. Он только что потерял жену, которая умерла при родах.

Глава 4

Тулон-сюр-Арру, Морван, весна 1762 года

В тот день, когда Жанна покинула Дижон, мэтр упорно не открывал дверь: он заперся у себя в кабинете, отказываясь видеть девушку, и даже не попрощался с ней. Глубоко уязвленная, Жанна позволила кучеру погрузить ее чемодан на крышу дилижанса и не оглядываясь нырнула внутрь, как бросаются на дно колодца. Никогда она не подумала бы, что ее работа здесь закончится вот так, настолько жестоко и бесповоротно. Все произошло слишком быстро: в тот же день хозяин перестал звать ее к себе, словно Жанна уже уехала, словно ее никогда и не существовало. Переполненная своим горем, она с трудом втиснулась между непоседливой толстой женщиной и погруженным в себя мужчиной, который не удосужился подвинуться, чтобы уступить ей немного места. На скамейке напротив двое пассажиров, лица которых были погружены в полумрак, вполголоса разговаривали, не обращая на нее ни малейшего внимания. Воздух в салоне был таким спертый и таким тошнотворным, что Жанна с трудом подавила рвотный позыв. Раздался щелчок кнута, и дилижанс тронулся, бесцеремонно тряхнув пассажиров. Мотаясь между своей соседкой и мужчиной, чей острый локоть бил ее по ребрам, Жанна закрыла глаза, чтобы мысленно отгородиться от действительности. Начинало светать, исчезали последние клочья ночной темноты. Это был час горячего шоколада хозяина; никогда больше она не приготовит мэтру его любимый напиток. Дижон от Тулон-сюр-Арру отделяли тридцать четыре лье. Поездка грозила занять целый день и казалась Жанне бесконечной. Зажатая в самой глубине дилижанса, девушка даже не видела пейзажа, который проносился мимо. От дорожных ухабов и вони, исходящей от соседа, ее тошнило. И хотя расстояние, отделяющее ее от прежней жизни, увеличивалось, горе от этого не уменьшалось, скорее наоборот. Жанна чувствовала, как обида набухает, раздувается, как парус корабля, угрожая в любой момент захлестнуть ее. Жгучие слезы были совсем близко, буквально на краю ресниц, и лишь полумрак салона мог их скрыть. Не выдержав, Жанна разрыдалась. Разлуки, повторяющееся чувство потери, заброшенности – ко всему этому ей давно следовало бы привыкнуть. Если не принимать во внимание деньги, которые она продолжала посылать своему дяде и Фанетте, с их расставания прошло слишком много времени, и Жанна больше ни для кого не имела значения. А через три года, когда она достигнет гражданского совершеннолетия, у нее и вовсе не останется никаких обязательств. Она окончательно будет одна. И независима, мысленно добавила Жанна. Перед ней откроется новая жизнь, и она постарается извлечь из нее максимум пользы любой ценой. Во время остановок – Жеври-Шамбертен, Ньюи-Сент-Жорж, Бон, Мерсо, Шаньи, Меркюри, Монсо – некоторые путешественники выходили, входили новые, устраиваясь по возможности удобно. Иногда после обмена несколькими короткими взглядами у попутчиков развязывались языки. Долгая поездка и тесное пространство, разделенное со случайными пассажирами, способствуют откровенности. Одни люди, веселые и дружелюбные, искренне смеялись, другие искали сострадания. Здесь также обменивались мнениями о погоде и предстоящем урожае, обсуждали последние новости. Молчаливая и сдержанная, Жанна не вмешивалась в разговоры, ограничиваясь кивками и вежливыми улыбками. В Мерсо шестерым мощным лошадям дали отдохнуть, и пассажиры воспользовались этим, чтобы подкрепиться. Некоторые отправились на постоялый двор «Белый лебедь», в то время как другие занялись поисками места в теничке, чтобы перекусить на скорую руку булочкой, вялым яблоком и сыром, аккуратно завернутыми в кухонное полотенце. Лица у всех были красные и потные: внутри дилижанса стояла адская жара. В преддверии поездки аптекарь выдал Жанне очень щедрую сумму расчета, но девушка не притронулась к ней: желудок словно завязался узлом, и она была не в состоянии съесть ни кусочка. Во время остановки она предпочла размять ноги в виноградниках, дыша полной грудью, чтобы изгнать спертый воздух, который часами вдыхала в душной

глубине дилижанса. Жанна чувствовала себя отвратительно грязной, корсет прилип к телу. Поднявшись между виноградниками по тропинке, которую нещадно палило летнее солнце, она вышла на деревенскую площадь, где находился фонтан с прозрачной ледяной водой. Жанна с наслаждением обмыла ею шею, руки и лицо, а затем, сложив руки ковшиком, принялась с жадностью пить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.